

НОВЫЕ КНИГИ

М. Г. Руднев

Причины и следствия изменения массовых ценностей

Рецензия на книгу:

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство. 464 с.

РУДНЕВ Максим Геннадьевич — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории социально-психологических исследований НИУ ВШЭ.

Email: mrudnev@hse.ru

В начале года фонд «Либеральная миссия» пополнил свою библиотеку ещё одной замечательной книгой, впервые представляющей возможность русскоязычному читателю открыть для себя обширный пласт международных социологических исследований. Это «Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence», увидевшая свет в 2005 г. и ставшая первой книгой Рональда Инглхарта, переведённой на русский язык. До этого, насколько нам известно, на русский была переведена всего одна статья этого автора, да и та в украинском журнале. Рональд Инглхарт — своего рода селебрити в мире социальных наук. Известен он прежде всего теорией постматериалистического сдвига в западных индустриальных обществах [Inglehart 1990] и организацией Всемирного исследования ценностей (World Values Survey). Кристиан Вельцель — давний соавтор Инглхарта и вице-президент Всемирного исследования. Выход их книги в России был приурочен к открытию в Санкт-Петербургском филиале НИУ ВШЭ Лаборатории сравнительных социальных исследований, которую, благодаря мегагранту российского правительства, возглавили Инглхарт и Вельцель.

Свои исследования Инглхарт начал более 30 лет назад и на основе регулярных европейских опросов сделал вывод о «тихой» революции, которая происходит среди населения нескольких стран Западной Европы и заключается в том, что ценности материализма постепенно вытесняются ценностями постматериализма. Затем, в 1981 г., было организовано Европейское исследование ценностей (European Values Study), к которому в начале 1990-х присоединились десятки стран по всему миру и был проведён, пожалуй, самый масштабный соцопрос за всю историю — в его рамках были обследованы репрезентивные выборки населения 97 стран мира. Такие опросы проводятся каждые пять лет, многие страны участвовали в них уже не раз, и это позволяет отслеживать изменения ценностей, установок и мнений, в некоторых случаях — в течение 30 лет. Приятной особенностью опроса является то, что его данные открыты для всех желающих, их можно свободно скачивать с сайта www.worldvaluessurvey.org, делать собственный анализ и перепроверять результаты исследований Инглхарта.

В исследованиях Инглхарта прослеживается эволюция, в которой можно выделить три этапа. Первый заключался в разработке теории «тихой революции» и выведении ценностного измерения материалистических и постматериалистических ценностей [Inglehart 1977; 1990], второй — в концеп-

ции модернизации — постмодернизации [Inglehart 1997] и третий — в развитии теории человеческого развития [Welzel, Inglehart, Klingemann 2003]. Каждая из упомянутых работ является итогом и обобщением очередного этапа исследований, она во многом повторяет все предыдущие, описывая представления Инглхарта и его соавторов о ценностных и демократических изменениях. Книга, о которой здесь пойдёт речь, — последняя на данный момент версия идей её авторов.

Теория модернизации и постмодернизации, или теория двух сдвигов, разработанная в предыдущих трудах Инглхарта, интуитивно очень понятна: она основывается на различии трёх поколений людей, выросших в традиционном, переходящем к индустриализации и индустриальном обществах. Те, кто вырос там, где проблематично получение основных благ (таких, как пища, жильё, безопасность), становятся людьми с ценностями выживания. При этом если они живут в условиях индустриализации, развитие которой обещает им наличие этих благ, они становятся людьми с секулярно-рациональными ценностями, то есть высоко ценят авторитет, рациональность, порядок, безопасность. В отличие от поколения своих родителей, выросших в традиционном обществе, где получение блага связывалось с сохранением существующего и со сверхъестественными силами, эти люди демонстрируют сдвиг к секулярным и рациональным ценностям. Это Инглхарт назвал модернизационным (первым) сдвигом. Поколение детей таких людей, выросшее в условиях, в которых наличие еды, жилья и других основных благ казалось само собой разумеющимся, становится людьми с несколько более широким горизонтом, чем забота о выживании, порядке и уважении авторитетов, среди них приобретают популярность идеи толерантности, гражданского участия, защиты природы и самопознания. Такие ценности Инглхарт называет ценностями самовыражения, а их отличие от секулярно-рациональных ценностей предыдущего поколения — постмодернизационным сдвигом. Последний закономерным образом приводит к появлению или повышению качества демократии в стране. Именно так, с большим количеством подробностей и исключений (страны — экспортеры нефти, коммунистические страны и др.) и выглядели основные выводы Инглхарта в 1997 г. в его самой известной книге «*Modernization and Postmodernization*» («Модернизация и постмодернизация») [Inglehart 1997].

Основная цель рецензируемой книги (и авторы этого не скрывают) — это оформление уже имеющихся идей и выводов, полученных на основе эмпирических исследований, в рамках солидной теории человеческого развития, разработанной в работах Амартии Сена (Amartya Sen). Суть этой теории состоит в том, что развитие — это усиление человеческого выбора (то есть — грубо — возможности выбирать, как жить и что делать), поскольку «человеку по определению присуще стремление к свободе» [с. 21]. Теория включает в себя три компонента, обеспечивающих человеческий выбор: социально-экономическое развитие, рост эмансипирующих ценностей и работающую демократию. Социально-экономическое развитие (социальная мобильность, разделение труда и повышение благосостояния) даёт человеку индивидуальные ресурсы, которые являются объективными средствами для реализации свободного выбора. Эмансипирующие ценности (они же — ценности самовыражения) обеспечивают мотивацию выбора, то есть желание выбирать. Работающая демократия воплощает институционализацию человеческого выбора, обеспечивая его как на уровне норм, так и на уровне реальных действий. Первый компонент даёт возможность выбирать, второй — желание выбирать, третий — гарантирует право свободного выбора. Человеческое развитие обществ, по мнению авторов, означает расширение человеческого выбора на массовом уровне. В главе 6 приводятся различные доказательства того, что свобода выбора «укоренена в человеческой психологии», поскольку связана с субъективным благополучием, и «обусловлена самой природой человека», так как многими другими исследователями были обнаружены взаимосвязи с измерениями коллективизма — индивидуализма.

Для лучшего понимания Инглхарт и Вельцель иллюстрируют свои идеи с помощью следующей схемы, показывающей, как, по мнению авторов книги, выглядит логика человеческого развития [с. 200]:

Экономические изменения → *Культурные изменения* → *Политические изменения*
(жизненная защищённость) (ценности самовыражения) (демократические институты)

Доказательству правильности этой схемы собственно и посвящена бóльшая часть книги. Первая часть книги отдана описанию изменения ценностей и доказательству того, что его причинами является экономическое развитие, вторая часть посвящена последствиям изменения ценностей, а точнее — описанию первичности ценностей над политическими изменениями и сопровождающими эти изменения процессами.

Причины изменения ценностей, как следует из схемы, — в экономическом развитии страны. Однако эти изменения происходят не как мгновенная реакция масс на состояние экономики, а через смену поколений. Ключевое значение здесь играет степень экономической защищённости в период формирования ценностей; предполагается, что в течение остальной жизни человека ценности существенно не меняются. Авторы демонстрируют взаимосвязь величины межпоколенческого ценностного разрыва со скоростью социально-экономического развития страны; удачными примерами являются Испания и Южная Корея. При этом позднее уточняется, что «объём изменений... зависит сразу от двух факторов: смены поколений и эффекта специфики периода» [с. 198].

Для изучения ценностей авторы вывели два индекса на основе факторного анализа: (1) традиционные — секулярно-рациональные ценности и (2) ценности выживания — самовыражения. С развитием экономики в индустриальных странах усиливаются секулярно-рациональные и ослабевают традиционные ценности, в постиндустриальных странах — усиливаются ценности самовыражения и ослабевают ценности выживания. Рассматривая изменения в целом, авторы отмечают, что в более богатых странах ценности меняются значительно быстрее, чем в бедных, благодаря чему ценностный разрыв между этими странами усиливается с каждым годом.

Авторы демонстрируют настолько высокие корреляции с различными характеристиками стран, что решаются сделать предсказания значений по своим ценностным измерениям, в том числе для стран, не вошедших в выборку. Ценности предсказываются по значениям душевого ВВП, доли сектора услуг в экономике, количества лет, проведённых в коммунистическом режиме, и принадлежности к культурной зоне. Под культурной зоной подразумевается историческая принадлежность страны к религиозной конфессии (например, православие), либо к философским учениям (например, конфуцианство). Именно эти факторы и являются, по сути, ключевыми причинами возникновения тех или иных ценностей (а не только экономическое развитие, как было показано в схеме).

Во второй части книги выдвигается тезис о том, что распространение ценностей самовыражения связано с усилением эмансипационных настроений, которые складываются из недоверия к авторитетам, увеличения равенства полов и возникновения действий, направленных против политической элиты (подписание петиций и участие в митингах). «Сами по себе эти ценности не создают демократические институты и не придают им эффективность. Однако... способствуют коллективным действиям, формирующим и поддерживающим демократию» [с. 307].

Авторы обсуждают проблему причинно-следственной связи между демократией и распространением ценностей самовыражения (секулярно-рациональные ценности здесь не обсуждаются). Основная гипотеза состоит в том, что «распространение ценностей самовыражения побуждает людей требовать создания институтов, позволяющих им действовать в соответствии с собственным выбором. Соответственно, ценности самовыражения мотивируют людей к обретению гражданских и политических прав, лежащих в основе либеральной демократии» [с. 223]. В случае авторитарного режима элита может некоторое время сопротивляться, но при этом управление становится крайне неэффективным и

затратным, и, в конце концов, она либо начинает реформы, либо свергается диссидентами. Коррупция сокращается как под давлением народа с эмансипационными ценностями, так и под влиянием той части элиты, которая сама имеет те же ценности. При этом институционализированные права сами по себе (то есть без экономической базы) не приводят к появлению эмансипационных ценностей (например, в Индии): «Авторитарный политический режим может в одночасье смениться демократическим, однако от нищеты к процветанию или от культуры, акцентирующей ценности выживания, к приверженности ценностям самовыражения страны идут десятилетиями» [с. 308]. И наоборот, эмансипационные ценности могут существовать и без демократии, без институционализации прав, как, например, в Чехословакии.

На основе высоких корреляций ценностей самовыражения с наличием и качеством демократии в различных странах авторы отождествляют ценности самовыражения с «продемократической культурой», довольно убедительно доказывая, что эти ценности возникают до появления демократии (или до её улучшения). Для доказательства первичности ценностей самовыражения авторы книги выстраивают специальные модели причинно-следственных связей, а также дотошно анализируют и опровергают существующие на этот счёт противоречивые тезисы. Отдельные главы посвящены сравнению влияния на возникновение демократии массовых ценностей в противовес влиянию элит, внешних сил (например, СССР по отношению к Чехословакии), а также связи ценностей самовыражения с показателями гендерного равенства.

Нужно ли читать эту книгу? Безусловно. Среди социологических и политологических фундаментальных работ на русском языке нечасто встретишь подобный образец в высшей степени тщательного анализа. Книга представляет собой уникальное сочетание дотошного эмпирического исследования и не менее сильной проработки теоретической литературы (обычно заметен перевес либо эмпирики, либо спекулятивности). Каждый эмпирический вывод авторы встраивают в общую канву рассуждений, и, в то же время, всякое спекулятивное суждение стремятся подкрепить цифрами. Несколько тезисов, укладываемых в трёх предложениях, авторы многократно проверяют и перепроверяют, убеждая читателя в их истинности.

Важная функция этой книги в том, что она, не отрицая индивидуальности и специфики каждой страны, доходчиво и убедительно демонстрирует существование универсальных закономерностей развития. Хотя Россия не всякий раз оказывается в общемировом тренде взаимосвязи различных переменных, в большинстве случаев она всё-таки тоже подчиняется общим закономерностям.

Книгу завершает короткий текст, похожий на манифест человеческого развития, который оканчивается словами: «Прогресс и человеческое развитие... к этому следует стремиться» [с. 436]. Именно на этот аспект работы — стилистический — и направлен первый пункт нашей критики. Людям, привыкшим к академизму изложения, книга может показаться излишне дидактичной. При её чтении возникает ощущение, что авторы не столько выдвигают и проверяют гипотезы, рассуждают о вариантах интерпретации данных, сколько пытаются убедить читателя в своей правоте, и цифры — лишь подтверждение их идей. Не случайно выше мы говорим о том, что авторы *доказывают* свои тезисы, а не проверяют свои гипотезы, — именно такое ощущение оставляет книга.

Большое количество своих тезисов авторы проверяют с помощью данных, строя многочисленные модели и последовательно доказывая собственную правоту. Нужно быть невероятно педантичным, чтобы разобраться в этих моделях, поскольку за многими эмпирическими результатами стоит сложная и очень непоследовательно описанная методическая «кухня». Например, авторы убедительно показывают значимость и высокий уровень взаимосвязи между своим показателем ценностей самовыражения и всевозможными характеристиками стран. Однако после главы 2, в которой описан факторный

анализ, авторы ни разу не вспоминают, что в этом показателе скрыт ряд интересных индикаторов. Здесь возникает ловушка терминов: авторы книги дают название какому-то фактору и при дальнейших рассуждениях отказываются возвращаться к отдельным показателям, что довольно часто вводит в заблуждение как читателя, так и, вероятно, самих исследователей.

В то же время индекс ценностей самовыражения представляет из себя индивидуальные значения фактора, в котором наибольшие нагрузки получили пять индикаторов: субъективное ощущение счастья, толерантность к гомосексуализму, подписание петиций, доверие окружающим и индекс постматериализма («давать людям право голоса» и «защищать свободу слова» минус «поддерживать порядок в стране» и «бороться с ростом цен»). Как видно, этот список включает довольно много разнородных индикаторов, поэтому понять на уровне показателей, что же такое ценности самовыражения, довольно трудно, также трудно увидеть достоинства и недостатки списка индикаторов. Строго говоря, то, что авторы называют ценностями, ценностями не является. Их ценностные показатели построены на вопросах, фиксирующих, преимущественно, то, что в литературе обычно называется установками. Стоит также отметить, что и наиболее употребляемые термины не очень устойчивы: ценности самовыражения иногда получают название эмансипационных ценностей, а иногда вдруг отождествляются с гражданской культурой. Никаких формальных или даже просто рабочих определений основных терминов (кроме демократии) в книге не даётся, даже смысл ценностей самовыражения чётко не разъясняется.

Из-за множественности и разнородности индикаторов в расчётах и рассуждениях авторов возникает проблема частичной эндогенности, при которой друг на друга накладываются похожие индикаторы. Например, много говорится о связи ценностей самовыражения с политическим действием, однако в самом индексе самовыражения уже заложено как минимум одно политическое действие — подписание петиций. Авторы не обсуждают эту и многие другие методологические проблемы. Всю эту путаницу дополняет отсутствие по указанному в книге адресу методического интернет-приложения, на которое авторы многократно ссылаются¹.

Вообще, главное достоинство, но и главная проблема этого исследования в том, что другого такого нет, Всемирное исследование ценностей пока что одно в мире. Это означает, что любая проверка внешней валидности этих данных крайне проблематична и в лучшем случае лишь частично осуществима. Здесь возникает более глобальная проблема эндогенности данных: выводы, сделанные на основе Всемирного исследования проверяются с помощью того же самого исследования. Авторы сами формулируют вопросы анкеты и сами же их проблематизируют. В результате в книге мы видим почти одни подтверждения гипотез, а вместо опровержений — оговорки о надёжности подтверждения.

Организаторам Всемирного исследования ценностей удалось собрать информацию в десятках стран, и само по себе это замечательно, но стоит иметь в виду, какой ценой достигнут такой охват стран. С точки зрения современных методологических стандартов, во многих странах опросы могли быть проведены довольно небрежно. Часто их осуществляют случайные структуры, просто потому что с ними удалось установить контакт (нигде не упоминается о централизованном контроле выборок, которые остаются на усмотрение местных организаторов), что может отражаться на репрезентативности выборок. Один из примеров — Китай, репрезентативность любых опросов в котором всегда находится под большим вопросом².

¹ Поскольку это важное интернет-приложение, мы, успешно скачавшие его несколько лет назад, позволили себе разместить это приложение на другой странице; ссылка на него такова: URL: <http://www.scribd.com/doc/50402860> (дата последнего обращения 10.03.2011). — *Здесь и далее примеч. автора.*

² Опросы 1991–2004 годов в России проводились под руководством Елены Башкировой (РОМИР, Башкирова и партнёры).

Другая проблема, возникающая при работе со среднестрановыми показателями (а именно на них и построены все выводы книги), состоит в том, что выборка стран — не случайная, и это в большой степени ограничивает (если не запрещает) экстраполяцию выводов на всю совокупность стран мира. Это общая проблема международных исследований, и Всемирное исследование от неё не свободно.

Повторюсь, авторы книги не обсуждают перечисленные проблемы. К счастью, неискушённому читателю они не кажутся важными, что и гарантирует дальнейшее благополучное существование Всемирного исследования ценностей. Кроме того, значимость этого исследования и сделанных авторами выводов многократно превосходит наши мелкие замечания.

Благодаря своей стилистике книга приемлема для достаточно широкого круга читателей — от узких специалистов — социологов, политологов и философов — до общественных деятелей и журналистов. Интересна книга будет и приверженцам эмпирических исследований и чистым теоретикам. Возможно, не все согласятся с идеями, изложенными в этой книге, но уж точно всех она спровоцирует на полезные размышления.

Литература

Inglehart R. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart R. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. 2003. The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis. *European Journal of Political Research*. 42: 341–379.